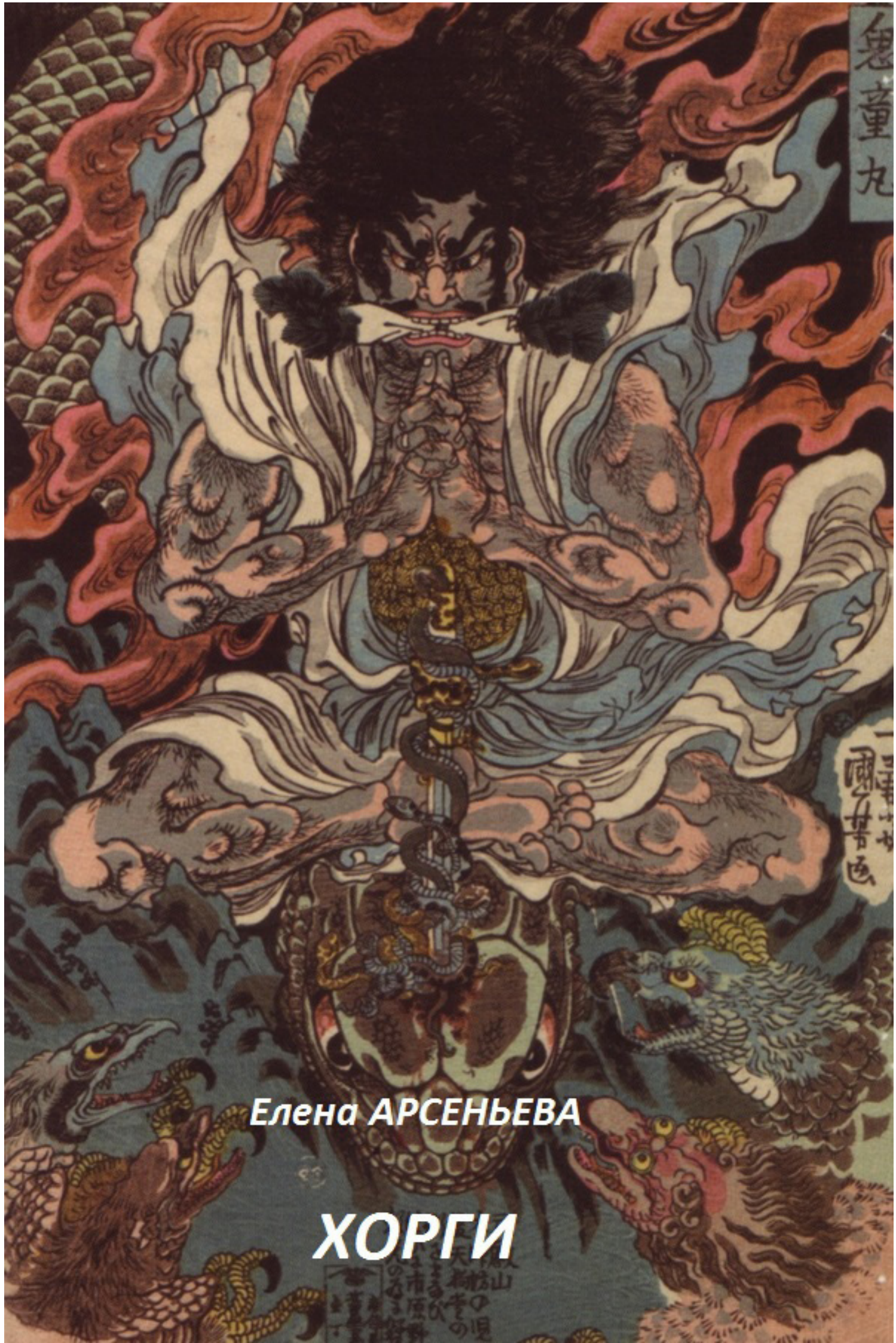

鬼童丸

一
國
書
画

Елена АРСЕНЬЕВА

ХОРГИ

山
松
新
の
見
市
原
の
心
の
見

Елена Арсеньева

Хорги

«Автор»

2019

Арсеньева Е. А.

Хорги / Е. А. Арсеньева — «Автор», 2019

Их трое – потомков волшебных тигра, медведя и волка. Имя их – хорги. Зачатые в незапамятные времена, смешавшие кровь свою с кровью людей, они обретают память предков, чтобы порвать страшную огненную сеть – остановить чудовищный эксперимент, несущий гибель тайге, Земле, людям...

© Арсеньева Е. А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

26

Елена Арсеньева

Хорги

*Теперь еще один остался подвиг,
А там... Не буду я скрывать,
Готов я лечь в великую могилу,
Закреть глаза и сделаться землей.
Тому, кто видел, как сияют звезды,
Тому, кто мог с растением говорить,
Кто понял страшное соединенье мысли,
Смерть не страшна и не страшна земля.*

Николай Заболоцкий

Глухой стон вырвался из недр планеты и вознесся к облакам. В смертельном страхе разметались они, растаяли в потревоженном небе.

Земля дрогнула.

Стон еще тяжелее, еще горше прежнего вздыбил Шаман-камень, и вот медленно, но неостановимо эта миллионнолетняя глыба обмякла, расслоилась... рассыпалась в прах. Нутро земли взревело, заглушая гром сызнова творящегося Хаоса: треск сломанных деревьев, грохот дробящихся скал, рев взбесившейся реки, вой всего живого, почуявшего последний, смертный миг.

Из глубокой раны, отверзшейся там, где только что величаво высился Шаман-камень, ударил огненный фонтан, и пламя разлилось по морщинам земли, сглаживая их и очищая от грязи, что накопилась в течение лет, веков, тысячелетий.

Рыдания земли не смолкали. Чудилось, она корчится в родовых муках, выпуская погибель свою из собственного чрева.

Ширилась огненная рана, рассекая тайгу от моря Ламского до Урал-камня, и росла, росла...

Неведомые, потайные, глубинные токи взорвали оболочку планеты, вывернули ее, подобно заплесневелому чехлу, наизнанку, и там, внутри, сплющивались, смешивались моря и города, скалы и леса, люди и травы.

Все произошло мгновенно. Никто не успел спастись.

Новые океаны взбушевались, вспенились под пристальным взором почернелых небес.

А стон убившей себя и вновь родившейся планеты еще долго, долго колебал время и пространство.

Но и потом, потом...

* * *

Возвращались из Богородского около полуночи. Припозднились, ничего не скажешь! По хорошему, остаться бы там ночевать, а завтра, по свету, и ехать. Тем более, суббота. Да Игорь и так всю неделю еле сдерживал нетерпение, дулся на Александру, что заманила его в эту командировку, а сегодня и вовсе был не в себе. Ну что же, законное беспокойство: в понедельник начинался вояж по краю международной группы телевизионщиков, а Игорь должен был сопровождать их и делать сюжеты для родного телевидения. Подготовиться, собраться надо? Надо. Это Александре было понятно. Одного она не понимала: почему сама не включена как журналист в группу сопровождения? И не первый уже раз ее обходят. Обидно ведь! Взяли этого

мальчишку Войнаровского из редакции информации. Без году неделя на ТВ. А вот Александру, которая уже двенадцать лет...

Да ладно. Даже движением бровей не выдавала она своего недовольства Игорем, сегодня вот тоже безропотно поднялась из-за стола, щедро накрытого в их честь Михаилом Невре, героем ее будущего телеочерка, – и пустилась на ночь глядя в путь. Понятное дело, никто бы никуда, в том числе Игорь, не поехал, не будь здесь уже закончены съемки, да повезло ему!

И Игорь, чудилось, готов был нахлестывать «уазик», чтоб бежал быстрее. Петр Устиныч, осветитель и звукооператор в одном лице, как забрался на заднее сиденье, так и заснул мертвым сном. Водитель, Александрии тезка, мрачно молчал, более всех недовольный ночной поездкой. Строго говоря, уж коли Игорю так невтерпеж, мог бы уехать последним рейсовым автобусом...

Внезапно, словно отвечая мыслям Александры, фары высекли из темноты красно-белый бок автобуса «Богородское-Обимурск», стоявшего на обочине. Салон был открыт, пассажиры толпились тут же.

– Что случилось? – крикнул, притормозив, Саша водителю, который переминался возле открытой дверцы кабины.

Оказалось, автобус встал, и надежно. По счастью, удалось дозвониться до города, из парка уже вышла машина техпомощи и другой автобус – забрать людей.

Можно было спокойно продолжать путь. Правда, кое-кто из пассажиров искательно заглядывал в окна «уазика», но увидев трех человек, теснившихся меж ящиков с аппаратурой, отступал.

Наконец потерпевший бедствие автобус остался позади. «Уазик» снова въехал в позднесентябрьскую тьму. Промельки деревьев обочь дороги, всплески ветвей, мотор гудит, свет фар пытается настигнуть ночь, убегающую по шоссе, но не в силах... А вверху, в давящей черноте, изредка зажигается тусклый глаз луны – и меркнет.

«Михаил, – думала Александра, – Михаил Невре... Повезло, повезло, наконец-то повезло. Главное – никакой чернухи. Надоело уже. Чистый воздух, чистая тайга, чистая душа. Просто раздумья на тему. Но без экологической конъюнктуры. Хоть бы пленка в брак не пошла!..»

И в этот миг Александра увидела его.

Он бежал впереди машины – затылками, долгими прыжками, как бы взмывая над шоссе. Чувствовалось, что бежит он так уже давно, однако может продолжать бег еще долго, словно и не ощущая ни малейшей усталости.

Это было красивое зрелище, и, пожалуй, Саша сбросил скорость прежде всего потому, что сам залюбовался этим стремительным ночным передвижением. Чудилось, бегущий не вынужден бежать, а властвует над бегом!

«Уазик» тащился следом на малых оборотах, а человек не оглядывался, словно и не замечал бликов света, рокота мотора.

– Ишь ты! Характер выдерживает! – наконец усмехнулся Саша и, врубив дальний свет, хлопнул по сигналу.

Словно бы выстрел грянул, так шатнуло бегущего с обочины! Он не удержался и пал на четвереньки, но тут же вскочил, встал пригнувшись, защищаясь ладонью от света.

Саша пригасил фары, открыл дверцу:

– На приз или от инфаркта?

Тот человек не отвечал. Он отвел руку от лица, но все еще сильно шурился, будто в глаза ему бил по меньшей мере «юпитер», и молчал, стискивая ворот свитера.

– Ты с автобуса, что ли? – спросил Игорь. – Ждать невмочь? Там, говорят, уже другая машина на подходе.

– Как, до самого города решил бежать? – не отставал и Саша.

Незнакомец какое-то время немо двигал губами, прежде чем выдавил:

– Нет... не до... города... Мне тут... я спешу-у... – Он странно протянул это горловое «у-у», но тут же поперхнулся, зажал рот рукой.

– Подвезти? – спросил добродушный Саша то ли бегуна, то ли своих, и те хором отозвались:

– А что, конечно!

Александра вышла из машины, разминая ноги, пока этот человек не взобрался на заднее сиденье и не примостился там, где-то между осветителем, Игорем, «конвасом», штативом и еще бог весть чем. Потом села она – и «уазик» двинулся дальше.

– Недалеко – это куда? – поинтересовался Саша. – До Черной Речки? Или до Осинки?

– Совсем уже... близко. Налево свороток... – неуверенно, глухо вымолвил незнакомец. – Я покажу.

Саша кивнул.

Сзади воцарилось молчание.

Александра невольно вслушивалась в него.

Станный человек. То ли испуган, то ли страшно растерян. Хоть бы словечко из вежливости!.. Нет, не то чтобы ее задевало это молчание. И не скуку дорожную развеять хотелось. Александра, скорее, пыталась даже не голоса расслышать, а понять, что такое – страх ли непонятный, предчувствие ли неведомое, – холодит ей шею. Или просто стылые вздохи осени прорываются сквозь брезент?

Да, осень. Эхо лета и грядущие раскаты снегопадов...

Александра вспомнила, как он стоял, чуть пригнувшись. Серые волосы, серый свитер. Ни кровинки в лице – как говорят, смертельно-бледный. Или это ночь и свет фар играли прихотливо?..

А интересно, что там, куда он спешит? Поселок? Станция? Его дом?..

Дорога опять металась впереди, и маячили сбоку деревья, словно чьи-то чужие блеклые лица приникали к стеклам – и отшатывались в испуге.

Александра начала дремать.

– Погоди-ка, – вдруг подал голос Саша. – Ты какой левый поворот имеешь в виду? Под «кирпич», что ли?

Крик, вой, рык в ответ!

Александра вскрикнула, падая лицом в ветровое стекло – Саша резко нажал на тормоз, – но успела подставить руку.

Кто-то сильно схватил ее за плечи. Неразборчивые крики сзади, надсадное дыхание...

Не помня себя, Александра вывалилась из машины. Следом вылетело длинное темное тело, мягко приземлилось в прыжке, распрямилось.

Это был их попутчик.

Он обернулся, и Александру ослепил серебристый неподвижный блеск его глаз.

Он вытянул руки – кончики пальцев фосфорически сверкнули... Фары вдруг погасли, будто он ударил по ним.

Александра вжалась в колесо. В машине кто-то взвизгнул, раздался крик:

– Волк!

Александра в ужасе оглянулась, но ничего не увидела.

Фары не горели, но темнее не стало. Все кругом было залито светом – однако не лунным.

Свет – бесстрастный, неживой, древний – словно бы исходил из глубины тайги, пробирался сквозь деревья, как бы окутывал людей, ощупывая их...

Тот человек все еще стоял, глядя через плечо. Тени и бледный свет играли на его лице, и, почудилось, уши его заострились, рот свела судорога. Наконец верхняя губа его приподнялась, он что-то прорычал – позвал, окликнул кого-то?

– Хор-р-рги!!.

И люди услышали, как тайга, а может быть, черные провалы небесные, только что затаенно-молчаливые, вдруг отозвались; слаженно:

– У-у-у-о-о!..

Незнакомец, крутнувшись вокруг себя, понесся вперед теми же протяжными и стремительными прыжками. Опять из машины, задушенно, страшно:

– Волк!

Александра безотрывно смотрела, как человек на границе света и тьмы пал на четвереньки, по-звериному, еще раз обернувшись, исторг:

– Хор-рги!..

Прыгнул – и сгинул в тайге.

Какое-то время еще колебалась на асфальте, словно бы потеряв своего владельца, тень настороженной человеческой фигуры, потом исчезла и она.

Белое сияние внезапно погасло, и вновь завладел округой темный морок ночи.

* * *

Александра заглянула в приемную Института Экологии и облегченно вздохнула: Тамары не было на месте. Редкая удача! Теперь есть шанс спокойно поговорить с директором. А то Александра заметила: стоит ей прийти к Овсянникову, как его секретарша с интервалом в две минуты: «Валерий Петрович, вы на такое-то время вызывали такого-то!», «Валерий Петрович, срочно просит приема такой-то!», «Валерий Петрович, Москва на проводе!..»

Впрочем, Валерий Петрович и сам замечал, что приходы Александры «активизируют» Тамару. «Ревнует, что ли? – пошучивал печально. – Эх, был бы повод...»

Повод у Тамары, несомненно, был: вот уже лет пять Овсянников откровенно и в то же время, очень галантно домогался Александры, но пока ему удалось завладеть лишь ее искренним расположением. Однако, как это часто бывает с женщинами, Александра ценила его беззаветное поклонение гораздо более, чем позволяла признаться даже самой себе, а потому сейчас, внезапно войдя в его кабинет и не увидев привычной радости на лице хозяина, замялась в дверях.

Впрочем, Валерий Петрович тут же вскочил из-за стола и бросился к ней:

– Сашенька, милая! Наконец-то! Сто лет тебя не видел, утешение ты мое! Такая тоска на душе, не представляешь.

Что-то дома опять? – виновато спросила Александра. Конечно, совесть ее была спокойна перед Светланой Овсянниковой, но все же, зная и о ее лютой ревности, а не только о безобидной Тамариной, она частенько чувствовала себя неудобно.

– Да я уж привык! – отмахнулся Валерий Петрович.

– А почему такое лицо? А худой какой стал! – оглядела его Александра.

– Мы слишком давно не виделись, Сашенька. Я уж больше месяца не живу, а существую. Беда!

– Что за беда?

– А то, что приехали два человека... с министерской проверкой... и погибли! А с ними мой сотрудник, который их сопровождал.

– Как?.. Как же? Авария, что ли?

– Случай на охоте, как у Чехова. Или у него – драма на охоте? Нелепая история, никак не могу очухаться.

– А что их на охоту понесло? – недоумевала Александра. – Ну, приехали проверять – так и проверяли бы. Развлекались, что ли? А трезвые были?

– В том-то и дело, что нет, – покивал Валерий Петрович. – Экзотик, понимаешь? Они должны были работать не здесь, у меня, а в Центре... – Он вдруг запнулся, досадливо качнул головой – Ну, в филиале нашем. Это прямо в тайге. А оба гостя заядлые охотники. По перу, как говорится. Главное, я сам звонил перед этой поездкой, чтобы им приготовили лодку!.. Возле лодки их и нашли. Обоих. У Мурашова спина прострелена. Другой, Козерадский, вроде как взрывом обожжен, тоже изранен. Похоже, в руках у него ружье разорвалось. По мнению следствия, в гильзе оказалось четыре пыжа вместо двух. Бракованная, понимаешь? Двойной заряд, сжат так, что порох деформировался. Ну, ствол разорвало, Козерадский выпал из лодки контуженный и сразу захлебнулся. Остался бы жив, если бы кто-то вытащил его сразу... Да и Мурашова можно было спасти – его ведь только ранило. Тяжело, но только ранило! Но и он утонул. – Валерий Петрович беспомощно хлопнул по столу.

– Та-ак, – ошеломленно протянула Александра. – Ну, а третий-то, третий?! Сотрудник ваш? Помочь не мог, что ли? Или не был с ними на охоте?

– А кто его знает, – пожал плечами Овсянников. – Тут я вообще ничего не понимаю. И никто не понимает. Там, где все случилось, камыши. Заводь такая, неглубокая. И в тех камышах нашли куртку Сергея. Ты понимаешь? Я – нет. Что, как – все во мраке. Тут никакой следственный эксперимент не ответил. Куртка есть – человека нет. Конечно, его подозревают. Но так и не нашли! Может, он их спасти бросился и утонул? А где тело? Или вообще не было его там – не любил охоту. Заблудился? Тоже не верится. Он знал наизусть окрестности Центра, и... – Валерий Петрович осекся.

– А что за Центр все-таки? – спросила Александра, почти инстинктивно цепляясь за вторичную заминку Овсянникова при этом слове.

– Странно, что ты не знаешь, – принужденно улыбнулся он. – А еще великая репортерка! Это летняя база нашего института: лабораторийка, пара комнат. Там даже постоянного штата нет, кроме двух сторожей. У нас таких баз по всей тайге – не счесть!

– А где она расположена?

– В районе Богородского. Километрах в ста. На повороте «кирпич» – экологически чистая зона.

– Ясно, – кивнула Александра. – А там для меня ничего нет – такого-этакого? Изюминки?

Валерий Петрович помолчал, потом пожал плечами и криво улыбнулся:

– Ты все-таки страшная женщина. Я знаю, что безразличен тебе. Но чтоб до такой степени беззастенчивости это продемонстрировать!.. Ты хоть вообще-то понимаешь что для меня эта история? Эти смерти, исчезновение? Говорю, месяц из-за этого не сплю, не ем. Светка тоже исхудала вся. Ну, правильно, она меня любит, ей не все равно, посадят меня, снимут, выгонят... А я-то, идиот, обрадовался, тебя увидев! Думаю, милая моя утешить пришла. – Он вяло отмахнулся. – У тебя дело какое-то ко мне?

Александра виновато посмотрела на него.

– Валерий Петрович... – Почему-то она всегда подчеркнуто звала его по имени-отчеству и на «вы». – Валерий Петрович, ну простите. Вы же знаете, я – как таможенная собака, натасканная на наркотики. Чуть что где чую, какую тему... Я вам ужасно сочувствую, честно. Ну простите, ну Христа ради! Все это так страшно, что вы рассказали. Я просто растерялась. Но знаю – ничего плохого с вами не случится! Вы-то в чем виноваты?!

– А-ах! – Он махнул рукою, отгаивая. – Захотят, так найдут, в чем. Найдут! – С улыбкой поглядев в озабоченное лицо Александры, поднес ее руку к губам: – А теперь порадуй меня, скажи, чем могу быть тебе полезен?

Александра вынула из сумки и положила на стол удостоверение в бордовой обложке с золотыми буквами: «Институт Экологии Обимурского отделения АН».

Овсянников раскрыл удостоверение – и шепнул, словно у него сел голос от неожиданности:

– Сергей! Это Сергей!.. Где ты взяла? Где нашла?!

– Не я нашла, а наш водитель, Саша его зовут, в студийном «уазике». С месяц назад мы возвращались из Богородского, со съемок. После этого Саша даже приболел... да и мы все были не в себе. Недавно он что-то искал – и за сиденьем нашел эти корочки. Принес ко мне. Этого человека, Сергея Хортова вашего, мы в тот вечер подвезли. Взяли его на шоссе, среди чиста поля. Сначала ничего неладного не заподозрили: думали, он с рейсового автобуса, ну, автобус там сломался. Добирался он до того самого поворота, под которым «кирпич». Может, в ваш Центр. А потом он чуть не на ходу вытолкнул меня из машины и убежал в тайгу!

Валерий Петрович резко замотал головой:

– Стой, стой! Ты что говоришь? Ты бредишь?! Ты говоришь, что вы везли Сережу Хортова... моего сотрудника, который пропал, когда погибли те двое? Ты говоришь, что Сергей вытолкнул – !!! – тебя из машины, а сам скрылся?! Ты что говоришь, а? Ты серьезно думаешь, что это был он? Мало ли к кому могло попасть его удостоверение! Да и ночью как ты могла его разглядеть?

– Он ли это был! – Александра снова вгляделась в фотографию, где каждый штрих знала уже наизусть. – Ночь, вы говорите? Ничего себе! Да там было светло как днем! Я рассмотрела его абсолютно четко! Он, он! – Александра ткнула пальцем в снимок...

Горло перехватило.

Почудилось, отманикюренный ноготок нажал на какую-то потайную кнопку. Мертвенным, серебристым светом налились вдруг эти черты, шевельнулись... нет, не может быть!.. шевельнулись по-звериному уши, сверкнули глаза... Снова, все снова!

– Хорги! – невольно выкрикнула Александра слово, услышанное тогда, на обочине. Она отшвырнула удостоверение, но вскочить, убежать – ноги не слушались.

На лице Овсянникова только недоуменный испуг. Как же он не видит! Почему же он не видит?!

Ее трясло как тогда, в ту ночь. Ужас вернулся!..

Она смутно поняла, что Валерий Петрович склонился над ней, прижимает к себе, ощутила его поцелуй.

«Воспользовался беззащитностью бедной девушки!»

Привычная, спасительная ирония вернула Александру к жизни.

Поняв, что она пришла в себя, Валерий Петрович неохотно отошел, сел за свой стол.

Помолчали. Потом он вызвал Тамару, которая несказанно удивилась, что Александра проникла сюда без ее ведома.

Тамара принесла чай. Она порывалась напомнить о каких-то делах, звонках, но Валерий Петрович объявил, что его «нет ни для кого».

Потом они с Александрой медленно выпили чай. Потом Овсянников процитировал свое любимое из Борхеса: «Нет такого интеллектуального упражнения, которое не принесло бы пользы», – и Александра подробно рассказала о событиях того вечера.

Закончив, она снова открыла удостоверение Хортова и долго всматривалась в его фотографию.

Твердое, резкое лицо человека, которому под сорок. Холодные светлые глаза. Костюм, галстук. Ничего страшного, ничего зловещего. Неужели это был он?!

* * *

К тому времени, когда Валерий Петрович на своей «Мазде» отвез Александру домой, она совсем было успокоилась. Правда, интеллектуальные упражнения так и не принесли пользы...

Они стояли у подъезда Александры. От мороза, внезапно и безжалостно стиснувшего город, колело в носу. Александра сразу застыла, ей ужасно хотелось домой, в тепло, но Валерий Петрович медлил, держа ее руку у губ, и она вежливо топталась рядом с ним.

– Не помню в начале ноября таких морозов. Сегодня сколько? Тридцать пять? Даже слезу выбивает.

Александра кивнула. За этими словами она слышала другое: «Мне бы лучше подняться к тебе. Не гони меня в эту черную ледяную ночь! Не гони меня от себя!»

– Ничего особенного, – сказала Александра с тоской. – Мороз да и мороз.

Вздых разочарования слетел со стылых губ Валерия Петровича в виде облачка.

– Ну хорошо. Завтра созвонимся. Надо еще подумать. Или зайдешь ко мне, или я на студию заеду.

Александра кивнула, обрадовавшись этому «на студию», перебирая замерзшими ногами.

Валерий Петрович осторожно приложился к ее твердой от мороза щеке. И не успела Александра отстраниться от его сразу потеплевших губ, как что-то мягко ударило ее по голове!

Валерий Петрович резко толкнул Александру, загородил, вскинув руки, защищаясь от какого-то бесформенного предмета, нависшего над ним. Наконец он сбросил свою пушистую рыжую шапку вместе с чем-то вцепившимся в нее прямо на тротуар.

Александра опасливо нагнулась.

Это была птица. Огромная, ширококрылая!

Разжав когти, птица рванулась. Александра вскрикнула...

От ее крика птица испуганно метнулась, бестолково взмыла поперек дороги и с маху ударилась в летящее мимо такси.

Машину даже слегка занесло, но она не остановилась. А птица, словно узел тряпья, отлетела, тяжело упала под ноги Александры. И в неверном свете фонаря она разглядела, что веки у птицы были смерзшимися, обледенелыми...

Птица ничего не видела, потому и шарахалась бестолково. Потому, наверное, и погибла, сослепу залетев в город и не найдя дороги в ущельях улиц!

Сразу вернулось все: и тоска, и ужасы, и одиночество, и все горе, и все обиды. Отшвырнув руки Валерия Петровича, Александра бросилась в подъезд, но у нее еще хватило сил добежать до своей квартиры и дать волю слезам, только захлопнув за собою дверь.

* * *

Я опасался лишь одного – что память моя оставит меня. Это последнее прибежище человечности!

Но нет. Время льется, струится – я же четко помню все, что происходило со мною. Да, память – тяга почище Святогоровой сумы!

Я помню сон, с которого все началось.

Снилось мне, будто я заплутался в тайге и долго брел наугад, пока ноги не утратили опору, и я не покатился кубарем куда-то... уж не в преисподнюю ли? Да нет, всего лишь в волчью яму. Вернее, в ловчую яму!

Была она глубока, крута, осклизла, и все силы мои иссякли в бесплодных попытках выбраться.

Я кричал – мне не отвечали, ибо ответить было некому: слышали меня лишь тайга да ночь.

Не раз солнце и луна сменяли друг друга на небосклоне – я только и мог, что полубезумно наблюдать их чередование, жуя траву, проросшую кое-где на склонах ямы.

Так отчетливо было это видение, что по сию пору помню я, как иссохло мое горло от жажды и спазмы голода терзали желудок!..

И вот, когда, вконец обессилев и вконец отчаявшись, я упал на дно своей ловушки, своей разверстой могилы, и поднял меркнувший взор, я услышал вдруг голоса.

О, как вернулись ко мне силы! О, как громко зазвучал мой голос, продираясь сквозь тайгу!

И меня услышали. Люди пришли на мой зов и стали вокруг ямы, осторожно вытягивая шеи и заглядывая вниз.

Радости моей не было предела!

Люди... Наконец-то! И не чужие люди! Я узнал их всех, ибо нас соединяло совместное дело.

Я с восторгом звал их по именам, и слезы мешали смотреть на эти дорогие лица, искажали, изламывали их, придавая чертам несвойственное выражение злобы.

Я отер слезы. Но злоба не сошла с лиц.

Более того! Эти люди и не думали вызволять меня из беды. Напротив: они вдруг начали заваливать яму, в которой я сидел, бревнами, ветками и сучьями.

Я исходил криком, метался, но завал рос и креп. И вот я уже видел небо как бы сквозь решетку. А через миг запахло дымом...

Пламя, касаясь сухих ветвей, выло от жадности. Решетка, скрывавшая небо, огненно раскалилась.

Гибель моя была неминуема!

Я пал на дно ямы, силясь хоть на мгновение отдалить ужасную смерть, когда огонь вдруг погас... О чудо! Неведомая сила одолела пламя!

Я слышал панические крики злодеев, они спасались бегством. А чьи-то руки оттащивали прочь ветки и сучья, и вот снова засверкало передо мной золотое, синее, зеленое: солнце, небо, листва.

Обгорелое бревно уперлось в дно, и я, не раздумывая, начал взбираться по нему.

Сил моих было мало, а вскоре они вовсе иссякли. Тело не повиновалось мне... как вдруг сильные руки схватили меня за плечи и рванули вверх.

* * *

Александра включила бра, посмотрела на часы.

Не спится. Мысли, будто заколдованные, кружатся вокруг того ужасного человека... существа, встреченного по пути из Богородского.

Сергея Хортова!

Да уж, у страха глаза велики. Петр Устиныч до сих пор уверял, что тот человек волком ускакал в лес. Игорь и Саша отмалчивались насчет таких подробностей, но Александра подозревала, что у них от страха были глаза не велики, а просто закрыты. Сама-то она ясно видела человека... конечно, что-то хищное в нем было, да...

Себе-то она могла признаться, что поначалу он вовсе не показался ей ужасным, напротив, потянуло к нему необычайно! Пожалуй, эта встреча, этот случай были самым сильным впечатлением ее жизни, как ни чудовищно это звучит. Ну что ж, стало быть, жизнь такая, что немного нужно, чтобы поразиться, – а выпадает поразительного как раз мало, мало! Ведет она жизнь одинокой бабы, которую все чаще грустно удивляет зеркало, у которой все от случая к случаю: удачные передачи, солидные гонорары, мужчины, хорошее настроение... Обычный же фон – серая обыденность, когда не знаешь, как день избыть. И это вранье, считала Александра, будто работа тележурналиста отнимает много времени, сил и нервов. Впрочем, нет, не вранье, если и впрямь отнимает: у семьи, у любви, у каких-то милых сердцу дел. А если эта работа – главное развлечение в жизни, и притом не в радость, то какая это, к черту, жизнь? Вот она – кем-то презираемая, кем-то любимая, предмет чьей-то зависти – или насмешки, усталая,

ленивая, начинающая полнеть и вянуть, – не мать, не жена, не возлюбленная, «репортерка» возраста элегантного Александра Бояринова... От чего тут отнимать – и что? И чего ждать, если в этой жизни все уже испробовано, все испытано – и мужчины, и любовь, и даже попытка семьи. Правда, детей не было – одни аборт. А в последний раз ей было очень серьезно заявлено в больнице: еще один – и она перестанет вообще быть женщиной.

Да? Ну и что? Раньше, позже... Она уже вошла в тот возраст, когда женщина понимает: несбывшееся не сбудется! – и начинает оплакивать его. Первый шаг к старости – пусть маленький шагок! – сделан.

Александра вздохнула, выключила свет, повернулась на бок и подумала, что надо бы завтра разыскать Валерия Петровича: он куда-то запропал, не звонит, не заехал, как обещал. Уже неделя прошла. Впрочем, она прихварывала с того вечера, как топталась у подъезда в лютый мороз, почти не бывала на студии.

Единственный плюс у этой работы – никто не стоит над душой с палкой, чтобы в присутствии сидела от и до.

Нет, а что это творится за дверью?! Такой тихий был подъезд – редкость в наш бурный век... Ничего себе, однако! Тренировка по футболу? От стены к стене пинают огромный, тяжелый, но мягкий мяч. Вот гол в дверь Александры! Ого! Еще раз и еще! А может... там бьют кого-то?!

Александра скользнула к двери, прислушалась. Что ж никто из соседей не выйдет? Ей вечно – вроде как по штату положено, раз журналистка, – приходится решать все проблемы в домоуправлении, неужто еще и ночами оборонять дом родной?!

И тут припадочно закурлыкал звонок под чьей-то рукой!

Александру будто отбросило от двери. Но наконец она решилась: приблизилась к глазку... да так и ахнула, схватилась отпирать.

Прямо на нее умоляюще смотрело искаженное глазком, измученное лицо Валерия Петровича!

Александра отворила не раздумывая, и только когда Овсянников ворвался, оттолкнув ее и тотчас захлопнул дверь, запоздало испугалась: да она же в одной рубашке! Но, глянув на него – потного, перепачканного известкой, измятого, – поняла: да он ее и не видит!

Валерий Петрович шатнулся по коридорчику, слепо тычась в стены ладонями, силясь удержать равновесие, и вдруг осел на корточки, приткнувшись к холодильнику, который у Александры стоял в прихожей из-за тесноты кухни. Снял шапку, вытер ею мокрый лоб и еще некоторое время сидел так, опустив голову и свесив руки, будто в крайней усталости.

Александра остолбенела напротив. Босые ноги застыли, но она почему-то боялась шевельнуться, слушая надсадное дыхание Валерия Петровича.

И вдруг ей почудился там, на площадке, какой-то странный, звук – противный скрип по обитой дерматином двери, словно бы кто-то ногтем провел...

Александра шагнула было к глазку, но Валерий Петрович вскочил, поймал ее за плечо и осторожно, сбоку, заглянул в глазок сам.

Через несколько мгновений обернулся с непередаваемым выражением осунувшегося лица и тихо проговорил:

– Вроде, все. Отстали...

– Да кто?! – наконец-то осмелилась открыть рот Александра.

Ответ был неопределенный:

– Можешь считать, что ты мне сегодня жизнь спасла.

* * *

Автовокзал был не так чтобы очень далеко от Александрино дома, к тому же, туда шел прямо от ее подъезда троллейбус, но Валерий Петрович настоял ехать на такси.

Вышли едва рассвело, но не прежде чем раздраженная диспетчерша позвонила вторично и предала анафеме всех тех, кто машину вызывал, а ехать вроде как и не намерен. Тогда стремглав сбежали по лестнице и шмыгнули в автомобиль.

Конечно, шофер ворчал, но ему не отвечали. Овсянников сидел сторбившись, Александра забила в уголок. То поведение ее и Валерия Петровича казалось верхом нелепости, но опять чудилось, что нервы натягиваются до боли, как во время его рассказа...

По счастью, билеты надо было брать не в кассе автовокзала, а прямо у водителя. Таксиста попросили подъехать к самому автобусу. Тот уже стоял с открытой дверцей, очереди не было. Повезло!

Быстро вошли. Хотя еще оставались свободными несколько рядов двойных кресел, Валерий Петрович заставил Александру сесть у прохода, а сам устроился перед ней. В общем-то, Александру это даже порадовало: за ночь столько было сказано, что сейчас уже не хватило бы сил возвращаться опять к тому же, а о чем еще они могли говорить?!

Автобус какое-то время стоял. Александра видела напряженные плечи Валерия Петровича. Единственным серьезным убийным орудием в доме Александры оказался кухонный секач, широкий и короткий, и она знала, что сейчас Валерий Петрович держит его под полкой дубленки.

Наконец автобус тронулся.

Через несколько минут сосед Валерия Петровича, сидевший у окна, опустил спинку кресла, откинулся, и Овсянников сделал то же самое. Не оборачиваясь, он успокаивающе махнул Александре, и та кашлянула в ответ: дескать, все в порядке. Однако ее-то сосед сидел недвижимо, похоже, не собиравшись отдохнуть, расслабиться, а значит, и Александре предстояло сидеть прямо всю дорогу до Богородского, так же как Овсянникову предстояло полулежать, пока его сосед не поднимет спинку кресла. Ведь, сами того не подозревая, соседи эти прикрывали Валерия Петровича и Александру от взоров белой, заиндевевой тайги.

Осень дышала на ладан, но все-таки еще дышала, когда вдруг ударили морозы, и все ее последние вздохи, вся истекающая нега, все полусонное тепло было сковано внезапной стужей. Искристая, колючая, волшебная чешуя в одночасье одела тайгу: каждый ствол, каждую ветку, каждую иголочку, каждую былинку, каждый чудом удержавшийся листок. Все разом оцепенело, словно бы не веря своему мгновенному превращению из ободранного ветрами древия в сверкающий заколдованный сад, где, чудилось, замерли и страх, и борьба, и жажда, и голод, и самые смерть и жизнь. Осталось только одно холодное очарование зимней заправки – предвестия белой, долгой, протяжной песни...

Ночью это чудесное царство сонно мерцало при свете звезд, а днем, когда небо обретало немислимую, ослепительную высоту и прозрачность, белая тайга начинала вдруг рдеть, голубеть, зеленеть, краснеть, синеть, желтеть, розоветь, лиловеть – играла всеми переливами спектра, оттенками, не имеющими даже названий-то!..

Отведя ослепленные глаза от дивного вертограда, плывущего за окном, Александра уже спокойнее вспоминала, что ей рассказывал нынче ночью Валерий Петрович, лежа рядом с ней, на ее диване, но поверх одеяла, краем которого она была укутана, не прикасаясь к ней, даже не мысля воспользоваться ситуацией.

Подобно тому, как сегодняшнее солнце выгоняло из тайги ночные потайные тени, так ужас, испытанный Валерием Петровичем, изгнал из него даже вожделение!..

Никто не мог бы сказать, что Александра хоть на миг мечтала об объятиях Овсянникова. И все же его испуганное равнодушие оставило в ее душе холодок презрения.

* * *

Неделя, во время которой Овсянников «запропал», выдалась для него тяжелой!.. Для начала он узнал, что оба сторожа, Леушкин и Махотин, охранявшие ту самую базу Института, которую называли Центром, погибли.

Это были пожилые бобыли, уволившиеся из совхоза. Они жили на базе круглый год, вполне довольные и заработком, и работой, позволявшей промышлять в тайге. Именно от сторожей исходил тревожный сигнал о гибели в заводи, в камышах, московских гостей. Они и продолжили список жертв.

На базе была машина – «уазик». На нем Леушкин примерно раз в десять дней отправлялся в Богородское «подхарчиться». Поскольку на таежных зимниках автоинспекции не встретишь, а Леушкин сохранил молодецкую бойкость, он всегда привозил на базу не только продукты, но и самогон – частично в составе собственного организма.

...То, что произошло, легко можно было разгадать по следам. Неподалеку от Богородского Леушкин на «уазике» шало погнался по заснеженному картофельному полю за лисицей, наверное, надеясь ее подбить и держа наготове заряженную двустволку, с которой не расставался, на этот раз пристроив ее слева, на подножке машины. Очевидно, войдя в азарт, стукая рыжую, Леушкин открыл дверцу, не тормозя, забыв про ружье, которое свалилось с подножки, ударилось курком, – и грянул выстрел.

Убитый наповал Леушкин продолжал сидеть за рулем, а «уазик» мчался, мчался, да и уперся в осинник на краю поля. Мотор, похоже, тархтел, пока не вышел бензин.

Прождав своего товарища несколько дней, обеспокоенный и разозленный Махотин попытался дозвониться до Богородского или города, но что-то не ладилось со связью. Обращаться к тем, кто еще был на базе, Махотину дозволялось в строго определенных обстоятельствах. Исчезновение Леушкина в их перечень не входило. Тогда он надел лыжи и пустился в путь. К ночи добрался до испытательной станции охотничьих собак, неподалеку от села Осиновая речка.

Дозвонившись наконец до Богородского и узнав, что Леушкина там уже давно нет, Махотин сообщил об этом в Институт, Овсянникову и в милицию. И остался на станции ночевать. Утром он, по словам кинолога¹ и егеря станции, никак не мог решить, идти ему в Богородское или вернуться на базу. В ответ на доводы – кому, мол, твоя база нужна зимою, загадочно отмалчивался, покачивая головой. Однако обратный путь его страшил: слишком много, непривычно много волчьих следов встречал, пока шел.

Бродя в раздумье по территории станции, Махотин увидел медведя, на котором производили, как пишут в инструкциях охотобщества, «притравку, нагонку и испытания с подсадными животными», а проще сказать – которого периодически нещадно рвали и грызли охотничьи собаки, проходившие на станции выучку.

Затравленный, ободранный, полуживой медведь был привязан гибким металлическим тросом к столбу, врытому в землю. Кинолог Аленчикова как раз ввела в загородку новую «ученицу» и намеревалась спустить ее с поводка, но та, завидев зверя, подняла визг, забилась, вырываясь из рук.

Похоже, Махотин решил помочь Аленчиковой. Он перемахнул через ограду, которая в одном месте просела и, вырвав поводок у кинолога: «Не бабье это дело!» – потянул упирающуюся лайку к медведю, приговаривая: «Куси его, куси!»

¹ Кинолог – специалист по служебной выучке собак.

Медведь, кучей бурой рванины громоздившийся у столба, приподнялся и жалобно захрипел, чуя новые свои муки. Тогда Махотин, который, как выяснилось, накануне много выпил с егерем Пелевиным, пал на четвереньки, не выпуская поводка, и в голос залаял на медведя.

Дальнейшее кинолог Аленчикова описывала сбивчиво и истерично.

Выходило, что собака испугалась еще пуще, вырвалась от Махотина, кинулась было прочь, но ее поводок захлестнул ногу сторожа, тот не удержался и распростерся на земле, в опасной близости к столбу.

В этот миг медведь вскочил и, натянув трос до предела, уцепил тулупчик Махотина и подтянул сторожа к себе.

Не успел тот пикнуть, как медведь когтями содрал ему кожу с головы...

Аленчикова, которой доводилось видеть этого зверя лишь объектом травли, повалилась без сознания от новых впечатлений, может быть, впервые поняв, над какой пропастью по доброй воле всегда ходила, и привел ее в чувство егерь Пелевин: заметив жуткую сцену из окна, он выскочил с ружьем на крыльцо и подстрелил медведя, правда, не успев спасти Махотина, у которого оказалась свернута шея...

Едва Овсянников узнал об участии обоих сторожей, как ему сообщили о трагической гибели еще одного сотрудника Института – Гарина.

В выходной день тот отправился на своей машине на дачу, по словам его жены проверить, не объели ли зайцы яблоньки. Его труп был найден в машине, стоящей на обочине проселочной глухой дороги, а рядом – множество больших и маленьких тигриных следов.

Очевидно, тигрица и тигренок осмелились войти в пустой дачный поселок – то ли из любопытства, то ли надеясь на поживу, а человек им помешал. Более того, Гарин, похоже, не сомневался, что неуязвим для хищников в своем новеньком «джипе», и решил, ради забавы, немного попугать зверей – погонять их. Тигренок бросился наутек, завяз в кустах у дороги и с трудом оттуда выбрался, а разъяренная тигрица вскочила на капот, проломила лобовое стекло и убила Гарина одним ударом лапы.

Количество этих внезапных смертей и их странная взаимосвязь потрясли Овсянникова. Выходило, что непонятная, нелепая гибель Козерадского с Мурашовым и исчезновение Сергея Хортова были только началом! Чудилось, они потянули за собой целый клубок ошеломляющих потерь. И то ли случайно пришло в голову, то ли вычислил это Валерий Петрович, вспомнив разговор с Александрой в своем кабинете, но все сходилось на одном: гибли люди, имеющие отношение к Центру...

Несмотря на свой явный страх, подавленность, Валерий Петрович, едва речь заходила о Центре, начинал запинаться, всячески заминал эту тему, и Александра смогла лишь понять, что база была «не типичная». Строго говоря, в Институте досконально знали всё о Центре только трое: погибший Гарин, исчезнувший Хортов – и сам Овсянников как директор. Работой Центра руководили непосредственно из Москвы, в частности, погибшие на охоте Козерадский и Мурашов. Конечно, не могли не знать о неких деталях и сторожа – которых теперь тоже нет в живых. И еще трое, только трое...

Размышляя обо всем этом, а пуще всего о тех троих, с которыми он теперь решительно не знал, что делать, Валерий Петрович вышел из Института, по обыкновению, поздним вечером, сел в машину и поехал домой. Вообще-то о случившемся надо было бы сообщить в Москву. Но стоило вообразить реакцию на вывод о зверях-убийцах... Конечно, ситуация складывалась чрезвычайная, но фантастический элемент! Люди, на которых следовало выходить Валерию Петровичу, его не поймут. Однозначно.

Путь Овсянникова лежал по узким улочкам. Было очень скользко, и он невольно отвлекся от своих черных мыслей, заботясь лишь о том, чтобы машину не занесло, и проклиная себя, что

проходит техосмотры по блату и никто не заставит его сменить лысые покрышки, о которых сам он постоянно забывал.

Автомобиль его миновал красивое кирпичное здание бывшего кадетского корпуса, а ныне – штаба военного округа и свернул под горку, к бульвару.

И вдруг на этом крутом, обледенелом спуске в ветровое стекло резко бросилась какая-то темная бесформенная масса!..

Хотя Валерий Петрович ничего не видел, а от удара автомобиль занесло, он не выпустил руля. Визжа по льду, машина развернулась было поперек дороги, но тут Овсянников на миг совладал с управлением и ему удалось уткнуться автомобиль в бордюр, остановив гибельное скольжение.

От толчка то непонятное, что прилипло к стеклу, рассыпалось, словно бы разом порвалось на клочки толстое одеяло, и Валерий Петрович увидел... множество птиц!

Мелькнув в свете фонаря, под которым замерла машина, они взвились – и исчезли в черноте ночи. Несколько маленьких трупиков лежали на капоте: очевидно, эти птицы погибли при ударе о машину.

Но даже и тут Валерий Петрович ничего не понял, ни о чем не догадался. Он просто был испуган, потрясен, а того пуще – изумлен. Его била дрожь уходящего напряжения, и он вылез из машины, закурил, пытаясь успокоиться. Надо было выровнять автомобиль: по этой улице ходили троллейбусы, а «Мазда» перегораживала путь... Но Валерий Петрович не мог сдвинуться с места.

Рядом стоял старый дом с глубокой аркой, в которой завивались вихри, и поэтому Валерий Петрович не сразу расслышал угрожающий шум, случайно подняв голову.

Какое-то темное, пронизанное искрами облако валилось на него сверху!

Овсянников только и успел, что отшатнуться, прильнув к автомобилю. Но нога его скользнула, он упал и по длинной темной ледянке пролетел на несколько метров ниже своей машины.

Это его и спасло.

Едва «облако» коснулось автомобиля, как ударил разряд, и «Мазда» озарилась мертвенным светом. Чудилось, в нее вонзилась молния! Ворох искр, похожих на ледяные бенгальские огни, окутал машину. Синие и белые змейки пробегали по стеклам, по дверцам, умирая и рождаясь, когда облако вновь и вновь касалось крыши, рассыпая вокруг гроздь алмазных вспышек, отражаясь в небесной черноте.

Невыносимо воняло паленым, и Валерий Петрович, приподняв голову, успел увидеть в ослепительном сиянии, которое издавала его машина, что «облако» рассыпается на множество безжизненных обгорелых комочков.

Птицы! Это опять были птицы!

Птицы, которым только что не удалось опрокинуть его машину, а значит, не удалось уничтожить и водителя, сейчас, своею тяжестью прогнули электрические провода, замкнули их. Они погибали сами, но норовили погубить человека!

Если бы он стоял на прежнем месте... Если бы он прижался к машине...

И тут-то все сплелось, связалось, разом сошлись концы с концами, сама собою сложилась мозаика из бестолково разбросанных частиц.

Гибли все, кто имел касательство к работе Центра.

Причиной их смертей были, так или иначе, животные. Ну, птицы.

Каждый раз накануне гибели человек сознательно причинял (пытался причинить) зло животным или птицам: Козерадский, Мурашов, Махотин, или же был на это явно спровоцирован: Леушкин, Гарин – и вот теперь он, Овсянников!

И он вспомнил ту огромную, тяжелую птицу, которая вдруг атаковала их с Александрой. Она ничего не видела, только потому и промахнулась, удар был смягчен. А если бы не промахнулась?..

Валерий Петрович с трудом поднялся, огляделся. Ох, да ведь это же как раз дом Александры. Господи, как странно, что второй раз именно здесь на него нападают птицы!

И тут он слышал в вышине пронзительный свист. Не глядя, не размышляя, метнулся через заснеженный газон, упал, прокатился по тротуару и ввалился в подъезд, однако дверь за собою захлопнуть не успел.

Мелькающий, хлопающий, клекочущий шар ворвался следом, погнал по лестнице, по площадкам обезумевшего человека...

Счастье, что квартира Александры была всего лишь на втором этаже! Счастье, что она открыла тотчас!

«Да, – подумала Александра, вспоминая, что Валерий Петрович рассказывал ей о событиях вчерашнего вечера, и длинно зевнула: ведь почти не спала! – Возможно, он прав: я спасла ему жизнь. Впервые, так сказать, в моей биографии... Смотри-ка! А уж уверилась, что все испытала. Оказывается, еще не вечер!»

Ирония, конечно, была натужной, однако чем еще оставалось спастись самой?

* * *

...В этот миг я пробудился.

Не смог сдержать крика, увидев над собою те же лица, что во сне видел над ямой! Но теперь на них была не злоба, а испуг и любопытство.

– Ну и здоров же ты спать!

– Мы уж испугались, на тебя гляючи. Посинел вдруг весь, будто от удушья. Руками машешь, стонешь...

– Да, а разбудить тебя никакой силой не могли.

– Хоть «скорую» вызывай!

И они захохотали. Шутка оказалась удачной. «Скорую» вызвать? А куда? В тайгу? В Центр? Сюда, в подвал?!

Ничего не скажешь, шутка отменная.

Однако пора было вставать. Сегодня нам предстоял инспекционный обход накрытой местности.

Непростой денек!

Вчера была «сетка». Сегодня – обход.

Мы втроем, я и двое инспекторов, приехали на базу только вчера поздним вечером. Должно было пройти десять контрольных часов, после которых в зоне «сетки» можно появляться без защитных костюмов.

Понятное дело, выпили за все за это. Сидели долго, оттого и встали сегодня так поздно.

Меня всегда умиляло меню в Центре, у Стволов и Первого. Похоже, за комплектованием пайков следили истинные гурманы.

Скажем, копченый оленин язык... Ну, там про всякую икру, омаров и двадцать сортов колбас-сыров я молчу!

Мне однажды попался на глаза ящик с продуктами на декаду: побольше упаковки телевизора с диагональю экрана пятьдесят дюймов. На десять дней! Одно плохо – все время консервы.

Как-то я видел: Махотин, старший сторож, выносил мусор, и вдруг из ящика выпала красивая банка из-под пива. Хоть цветы в нее ставь! Но надо было наблюдать выражение лица Махотина! Не исключено, что они с Леушкиным люто ненавидят базовых. Но смешнее

всего, что и Первый и оба Ствола еле-еле ковыряют в своих экзотических баночках. У Первого вообще навязчивая идея – малосольные огурчики с чесноком. Я бы и сам ему привез, не будь это строжайше запрещено. Хотя, впрочем, он мог бы дать заявку на очередной паек...

Странно, как немыслимо странно, что я все это помню, и так отчетливо...

Ну хорошо. Итак, после позднего завтрака – точнее, полдника, под джентльменскую дозу коньячку, мы втроем тронулись в путь.

А вот путь к Шаман-камню я помню слабо... Ну, наверное, ничего не было необычного – до поры до времени. Помню, что Козерадский и Мурашов все норовили забрать южнее, а я снова и снова ставил их на тропу.

Понятно, почему их вело в сторону. К заводи рвались!

Они шли с ружьями, с рюкзаками. Еще когда в городе собирались сюда, Овсянников велел по телефону сторожам приготовить все для высоких гостей. Ведь оба – ярые охотники. Мне вообще всегда казалось, что приезжают они сюда не ради подготовки к «сетке», а ради нескольких часов сидения в лодке, в камышах, и этих трах-бабахов не столько по уткам, сколько мимо. Зато разговоров потом – не оберешься, Ну а «сетка»? Что ж «сетка»? Мы ведь снимки видели. Картина ясная, все получилось. И, похоже, без накладок. Время, охват территории, плотность – все совпадало с расчетами. Что без толку по полигону бродить? Вот они и рвались на свою охоту.

Впрочем, что они мне? Особенно теперь. Их больше нет, а я...

* * *

Автобус резко стал посреди шоссе. И, поднявшись, Александра увидела, что впереди, из кедрового мелколесья, вышел на дорогу крупный волк.

Ну и что? И ничего особенного. Кругом все-таки глухая тайга, вот так, на шоссе, и зайца другой раз увидишь, и зубра, а то лисица, желтая княгиня, вдруг вспыхнет солнечным лучом, прорвавшим зимнюю сумеречность, да исчезнет... Только всякое зверье норовит побыстрее с глаз людских убраться, а этот волк не скрылся в лесу, а остановился неподалеку, повернувшись к замершему автобусу.

– Поезжай! Поезжай! – хрипло крикнул Валерий Петрович, и Александра успокаивающе положила руку на его плечо.

Несколько человек, разморенные долгой дорогой и бензиновой духотой, сонно оглянулись.

Александра смущенно опустила руку.

Автобус тронулся. Поравнявшись со зверем, водитель снова приглушил мотор, и какой-то странный рокот послышался Александре, то нарастающий, то замирающий, но тут же она забыла об этом, обеспокоено глядя на окаменевший затылок Валерия Петровича.

Уж она-то понимала, что с ним происходит! Нет, если честно – не совсем верила в дьявольскую цепочку «Центр-зверь-гибель», тем более что так и не поняла задач Центра. И ее готовность отправиться с Валерием Петровичем в Богородское была вызвана не только сочувствием к одурманенному ужасом человеку. Скажем так: далеко не сочувствием, а прежде всего тщательно скрываемым, но до крайности распаленным интересом к самому Центру. Они с Овсянниковым решили, никого не ставя в известность, встретиться в Богородском с Михаилом Невре – все-таки он опытный охотник – и попросить его быть их проводником в тайге, сопровождать к Центру. Надо же выяснить, что там происходило!

Строго говоря, всю эту программу Овсянников разрабатывал для себя одного, Александра же должна была лишь свести его с Михаилом, с которым она крепко подружилась за время командировки. Но неужто Валерий Петрович откажет в крупицах информации женщине, спасшей, как он сам говорил, ему жизнь!..

Автобус, миновав стоящего на обочине зверя, опять помчался по шоссе, когда Валерий Петрович вдруг оглянулся – Александру поразило его бледное, потное лицо! – и нечленораздельно закричал, указывая в заднее окно.

Все оглянулись. Волк длинными, легкими прыжками нагонял автобус.

– Чтой-то его разбирает? – недоуменно произнес сосед Александры, и та не поняла, относится это к волку или к Валерию Петровичу, вид которого был жалок.

– Смельчак серый-то, а? – Вот это уж явно про волка.

– У кого пороса в торбе, сознавайтесь!

– Та ни, йому, вишь ты, коньячку трэба, поди таежна сивуха опротивела!

– Норму ГТО исполняет! – переговаривались пассажиры.

– Разворачивай! Разворачивай! – крикнул Валерий Петрович, и водитель удивленно оглянулся:

– А на что мне это?

– Развернись и задави его!

– Спятил, мужик? – покачал головой шофер и добавил еще что-то крепкое, но Александра могла об этих словах только догадываться, потому что тот неясный рокот, который издавала все время сопровождал их движение, вдруг начал нарастать, нарастать, превращаясь в оглушительный треск, потом кургузая тень легла на дорогу, согнув окрест стоящие деревья, и вот чуть впереди, за редколесьем, на просторное белое поле сел зеленоватый вертолет.

Автобус съехал на обочину и стал, а волк, с тяжело опадающими боками, подбежал и лег тут же, у дверцы, словно стерег кого-то.

Валерий Петрович уткнулся было в спинку переднего сиденья, но сразу вскочил и бросился к лобовому стеклу, подавая какие-то знаки двум бегущим к шоссе вертолетчикам в коротких толстых куртках, унтах и серых ушанках со звездочками.

– Идет охота на волков, идет охота! – пропел Александрин сосед, и она увидела в руках одного пилота револьвер, а у другого – охотничью двустволку.

Дальше все происходило очень быстро. Парень с пистолетом, выскочив на асфальт, машинально потопал, оббивая снег с унтов, и осторожно, как бы крадучись, что выглядело нелепо при свете дня, двинулся к волку, который так и лежал в снегу.

Потом остановился метрах в пяти и, картинно-медленно подняв руку, выстрелил.

Волк вскочил, прыгнул, оттолкнувшись всеми четырьмя ногами, и соазу же повалился, но стоило вертолетчику приблизиться к поверженному зверю, как тот приподнялся и попытался наброситься на врага! Тогда второй пилот перехватил ружье за ствол, размахнулся и ударил его в голову прикладом.

С какой-то странной, внезапной ясностью Александра увидела – словно бы и не смотрела она через голову соседа, словно бы не отделяло ее от событий на дороге заиндевевое с одной стороны и запотевшее с другой стекло, – что волк успел хватануть мощными челюстями приклад, оставив заметные щербинки. Тут же последовал новый удар – и все было кончено.

* * *

За это время в автобусе никто не издал ни звука. Все было слишком уж внезапным, слишком жестоким, словно бы волка настигла чья-то расчетливая месть.

И откуда вдруг взялся здесь вертолет? Что же, он все время сопровождал автобус? Экая нелепость!

В этот момент Александра заметила, что дверца открыта, пассажиры выходят, остались лишь она да ее сосед, которому она мешает, и он недоуменно заглядывает ей в лицо.

– Что, жалко? – спросил он. – И правда...

Жалко? О, не то слово! Это была даже не жалость, а внезапное ощущение невозвратной потери, от которой вдруг сжалось сердце. Тоска – волна тоски! – нахлынула, ослепляя и оглушая... ушла, откатилась, оставив усталость и безысходность.

Она вышла из автобуса и на миг задохнулась, словно бы мороз, а может, запах смерти перехватил ей дыхание.

Все толпились вокруг волка, но Александра заметила, что по шоссе к ним несется «уазик». Да ведь это же студийный «уазик», Сашин! Случилось что-то?

Мелькнула мысль, что интервью, которое сегодня должно было идти в записи, сорвалось по каким-то техническим причинам, и со студии вдогонку за ней послали машину, чтобы вернуться и спасти передачу.

Впрочем, откуда бы они узнали, где Александра? Она ведь теоретически на больничном, а о поездке в Богородское и не мыслила до нынешней ночи!..

И точно – Игорь Малахов, выскочивший из «уазика», чуть ли не на ходу, явно не заметил Александру, а с налету врезался в толпу.

– Что там? Что произошло? Ух ты!.. Стойте, я сниму! Не заслоняйте свет! – тут же послышались его команды, и Александра поняла, что Игорь, как всегда, ловит кадр своим «Кодаком», с которым не расставался можно сказать, ни на миг и который не раз приносил ему удачу. Ходили смутные слухи, что фортуна и «Кодак» изменили Игорю только раз, когда он с тем парнем из «Обимурского вестника», как его... Колей Лебедевым... блуждал по тайге и видел какое-то немыслимое дерево, голубой кедр, что ли². Впрочем, может быть, это лишь слухи.

К Александре подошел шофер Саша.

– Здрасьте, Александра Олеговна! Тоже в Богородское? Чего ж на автобусе? Разве не знали, что мы с Игорешкой (Игорю было давно за сорок, но, не сомневалась Александра, он обречен зваться Игорешкой еще как минимум лет тридцать, точнее, сколько проживет!) тоже в Богородское рвем? Там поймали тигра, то есть говорят, он сам в ловушку попался, а завтра его уже в город, на зообазу отправляют, ну а в Богородском как раз отдыхает бригада тигроловов, и Игорешка хочет инсценировать его отлов и отснять. Гнал меня как на пожар, а тут... А хотите с нами? В «уазике» же быстрее.

– Я не одна, – сдержанно ответила Александра, – и вообще, Саша, мне твой Игорешка еще в прошлый раз осточертел.

– Это уж точно! – захохотал Саша, вспомнив, очевидно, как нудил рвавшийся к иностранцам Игорь. – А что там случилось, чего толпа?

– Волка подстрелили, – неохотно сказала Александра. – Приставал, видишь ли, к автобусу.

– Волка подстрелили?! – Саша оживился. – Я погляжу!

Народ загудел, раздался, и Александра увидела, что вертолетчики, наверное, уступив настояниям Игоря, встали в живописную позу: один – опершись на двустволку, Другой – вскинув пистолет, и готовы сфотографироваться со своим «охотничьим трофеем».

Наверное, волка ворочали, разглядывая, потому что он уже был облеплен снегом, и не легким куржаком, заиндевелым дыханием, а грубо налипшим, смерзшимся с шерстью снегом, в котором он только что лежал, умирая, остывая, застывая...

При этом Александра, к своему изумлению, увидела, что тот пилот, у которого был пистолет, вдруг весело помахал Валерию Петровичу, будто знакомому.

Потом «кадр сменился». На этот раз парни по очереди взваливали убитого зверя на плечи и стояли, чуть согнувшись под его тяжестью. Игорь любил такие залихватские «скульптурные группы». Окровавленная морда торчала над головой вертолетчиков, и картинка была не очень

² Об этой истории можно узнать из повести Елены Арсеньевой «Голубой кедр».

доблестной: чудилось, волк только что разорвал кого-то в клочки, оттого у него и окровавленная пасть, а теперь вспрыгнул человеку на спину – и тот обречен.

Александра не хотела видеть, как поволокут зверя к вертолету, и вернулась в автобус. За ней потянулись остальные.

Вскоре «уазик» умчался. Подошел оживленный, сбросивший страх Валерий Петрович:

– Ну, чего ты? Как ты?

– Нормально.

– Едем дальше?

– Ну, едем.

Что ж она могла ответить?..

Тронулись. Как поняла Александра, пока можно было не маскироваться больше. Да и плевать, вообще-то! Она опустила спинку кресла, с наслаждением откинулась, закрывая глаза.

Накатывала дрема... сперва сияли снежные брильянты, сверкала тайга... потом мелькнула тень птицы в вышине... нет, это была не птица, это был вертолет – тот самый, зеленый, уже знакомый.

Вращение винта влекло куда-то к западу эту грохочущую нелепость, чужую здесь, между этой роскошно-белой землей и немислимо-голубым небом, как если бы в огромную хрустальную чашу свалилась вдруг уродливая жаба... Внезапно небо покраснело, налилось огнем, из него вырвалась молния и пронзила вертолет, превратив его в огненное облако!

Едва сдержав крик, Александра открыла глаза, рванулась к окну.

Сон! В небе ничего. Тишина. Она наклонилась вперед:

– Валерий Петрович! Валерий Петрович!

Первый взгляд Овсянникова – на дорогу:

– Что? Опять они?!

– Валерий Петрович! А откуда здесь взялся вертолет? И почему пилот вам махал?

Овсянников зевнул.

– Это я вызвал вертолет. Утром, пока ты варила кофе, я заказывал такси, ну и... позвонил в отряд. Они иногда патрулируют над Центром. Я и попросил их... проводить нас. А потом уже дал сигнал к посадке. Как видишь, не напрасно! Теперь ты поняла, что я не зря осторожничал?

– Да, – рассеянно произнесла Александра. – А как вы... дали сигнал к посадке? Телепатия, что ли?

Валерий Петрович крепко спал и не мог ей ответить.

* * *

Итак, мы шли. И все было нормально, когда я вдруг остановился.

Это дерево... Осина, сказал бы я, хотя никогда не видел таких осин!

Она была в два обхвата, и дубы-то такие нечасто встретишь! Гладкая сероватая кора растрескалась, собравшись жесткими складками, и в них виднелась кроваво-красная древесина. Ветви, чудилось, кто-то нарочно скрючил, связал узлами.

На них висели листья. Именно висели, будто огромные и причудливые лоскуты материи. Каждый был раз в десять больше обычного осинового листа, но, кроме того, все прожилки на них набухли и казались наполненными кровью: там пульсировала красная жидкость.

Тут же, рядом со зрелыми листьями, торчали красно-зеленые почки, висели толстые пушистые сережки. Словом, дерево словно бы жило во всех временах года разом, потому что некоторые листья по-осеннему сохлись, а ветви кое-где имели зимний голый вид.

Корни его выпучились из земли. Там зияли темные провалы... Неодолимо тянуло наклониться, заглянуть туда...

Что за дерево? Монстр!

Я окликнул своих спутников. Они сперва тоже остолбенели, а потом Мурашов кинулся осматривать эту немислимую осину, он был биологом; а Козерадский сделал то, что и следовало сделать: раскрыл карту.

Это была хорошая, подробная карта, копия той, что висела в бункере. На ней обозначалась зона «сетки».

Мы прикинули... Выходило, что осиновый монстр находится в эпицентре зоны.

Помню, Козерадский и Мурашов сразу заспорили, игра это природы или же побочный эффект, которого, по идее, быть не должно. Никак не должно! Исключено!.. Ведь то, что мы видели сейчас, напоминало результат действия на дерево повышенной радиации: ну хотя бы свыше четырех-семи миллирентген в час. Дело в том, что в нормальных условиях растительная клетка «знает», сколько ей «можно» совершить делений, повышенная же радиация снимает «ограничитель» с этого процесса. Появляются и другие изменения: пробуждение «спящих» почек, гипертрофия и ветвление пыльцевой трубки, плакучие побеги... «Сетка» же не радио-активна. Вот Мурашов с Козерадским и спорили: если это радиация, то откуда она взялась? А если не радиация, откуда взялось все это?

Я стоял молча. Я не участвовал в их споре не потому, что не знал, исключался или не исключался побочный эффект от «сетки», тем более – в мире растительном, а не животном.

Я молчал именно потому, что знал: да, все дело в «сетке».

Я узнал это, прильнув ладонью к коре той несчастной осины.

В первый миг прикосновения почудилось, будто меня ударило током... я еле сдержал стон! Причем, что странно, ощущение этого удара пришло не через ладонь, а через сердце, словно некая молния избрала путь сквозь меня.

Я стоял. Я чувствовал себя не то пьяным, не то мертвым.

Что-то мгновенно изменилось вокруг!

Сначала это были звуки, запахи... И не только таежные.

Я ощутил, услышал будто бы все на свете, в том числе и оглушительный голос города. Все звоны его, грохот, гам, крик, вонь... И тут же таежная тишина снова сомкнулась вокруг. Нахлынула – и впиталась, вжилась в меня!

Сперва она казалась спасением, а потом, через миг, стала карой, ибо говорила...

И пока Козерадский с Мурашовым спорили, я слушал тайгу, и узнавал все о себе, и пытался понять.

Казалось, что и солнце, и луна, и звезды – все разом глядит на меня, и слышу я голос всех трав, и деревьев, и дыхание вод, и угрозы гор, а за спиной моей, лицом к лицу со всем миром, стоят мои сородичи. Кровные мои! Так, как это было в первый день нашего сотворенья.

* * *

А тигр и правда сам в ловушку попался! Это Саша точно сказал. Кому принадлежала та ловушка – неизвестно, а достался зверь Михаилу Невре.

За три дня до приезда Александры и Валерия Петровича в Богородское Михаил отправился проверить капканы, которые насторожил на колонка и лисицу. И на берегу засыпанной снегом старицы вдруг увидел цепь тигриных свежих следов.

Ну, след – это еще не зверь, но все же Михаил пошел осторожнее. Досадовал: тигр, если оголодал, и вынуть добычу из ловушки может или вообще распугает мелкое зверье... И точно: в том самом месте, где был поставлен капкан, неожиданно зашевелилось что-то темно-рыжее, раздался рев – пока не столько угрожающий, сколько предостерегающий.

Тигр!

Михаилу не раз приходилось видаться с тигром – и с глазу на глаз, и в компании охотников, – но все равно: мгновенно прошибла испарина. Отскочив за ближнюю березу, сдвинул шапку на затылок, снял с предохранителя карабин.

Он стоял неподвижно, да и тигр не шевелился.

– Эй, амба-старик! – громким шепотом окликнул Михаил, подражая своему знакомому тонгасу, Филиппу Актанке. – Уходи подобру-поздорову! Ты мне не нужен – но и меня с моей добычей оставь! Уходи, слышишь?

Он старался быть почтительным. Тонгасы-охотники учили: «Мы, люди, приходим в тайгу – дом зверя. И должны вести себя как гости!»

Тигр не двигался. Желтые глаза его сверкали какой-то сдержанной, словно бы утомленной яростью. Наконец он отвел взор от человека и покосился влево.

Михаил повернул голову и увидел широкий волок, тянущийся вдоль русла старицы.

Вот те раз! Тигр-то в ловушке! Волочился же за ним обрубок дерева, который ловцы мягким тросиком привязывают к капкану, чтобы зверь, попавшись, мог передвигаться – да не мог уйти.

То и дело оглядываясь, Михаил выбрался из зарослей и ринулся в село. Там как раз отдыхала бригада тигроловов Крюковых, и уж они-то знали, как быть в этих случаях.

И впрямь – без лишних хлопот Крюковы опутали обезножевшего зверя сетью – он и не шибко сопротивлялся: не то растерян был, не то слишком измучен, – и приволокли в село. Однако вскоре выяснилось, что с этим нечаянным, «легким» тигром все надо начинать снова: едет телевидение.

Ничего не скажешь, долго пришлось уламывать бородачей Крюковых! Не раз и не два Михаила Невре, который оказался посредником, выпроваживали на матах, однако наконец он своего добился. Ну а подоспевший Игорь Малахов довершил дело с помощью трех бутылок «Fгарin Cувée», которые он специально привез из города.

Ну, предположим, этот коньячок был не 1888 года, но все же впечатлял!

Где уж Игорь этот уникам раздобыл, сколько заплатил, о том не знал никто. Ни Крюковы, ни Михаил никаких «Fгарin Cувée» в жизни своей не видели, да и Александра, которая с Валерием Петровичем добрались до Богородского как раз к началу «боевых действий», была поражена экзотическим зрелищем этих трех черных бутылок с золотыми пробками на выскобленном деревянном столе едва ли не более, чем лицезрением пленника, который то все был спокоен, словно равнодушен к собственной участи, а то вдруг ожил, начал нервничать, заметался в своем узком деревянном ящике, сбитом из прочных кедровых плашек. Он бил лапами по стенам, словно старался сокрушить их, бешено грыз решетку.

Александра вдруг заметила, что, поймав ее взгляд, тигр на мгновение утихал, словно затаивался, а затем с удвоенной яростью бросался на дубовую решетку, высовывая наружу когтистую лапу.

Михаил сказал, что зверь третьи сутки ничего не ел, только по ночам, словно украдкой, хватал снег.

План съемок, предложенный Игорем, был надежен и прост. Конечно, ему хотелось запечатлеть старый добрый отлов с рогатками и собаками. Но Крюковы упрямылись еще и потому, что так ловят молодых зверей – матерого же самца рогульками не взять. Тогда Игорь предложил, а Крюковы согласились, ввести тигру обездвиживающее вещество. Действует оно не сразу, зверь теряет активность постепенно, и в полусонном состоянии его можно изловить «красиво и безопасно», как сказал Игорь.

Четвертый «Fгарin Cувée» отошел начальнику местной охотбазы за этот самый препарат, и дело было слажено.

Невольными зрителями инсценировки стали Александра с Валерием Петровичем.

Слов нет, зрелище обещало быть редкостным, интерес разбирал даже Овсянникова. Страх и желание как можно скорее попасть в Центр боролись в нем с любопытством, однако на помощь любопытству пришло то обстоятельство, что Михаил с каким-то мальчишеским тщеславием непременно хотел сам участвовать в съемках вместе со знаменитыми тигрологами. Ведь это был его, Михаила Невре, тигр!..

Ни о каких путешествиях с ним в Центр сейчас и помыслить было невозможно. Поэтому пришлось смотреть спектакль.

Тайга тесно обступала село и, по сути, начиналась сразу же за избой Михаила. По приказу Крюковых огородили веревками малый участок поляны и опушки, выставили оцепление из добровольцев-промысловиков. Игорю устроили что-то вроде охотничьей засидки³ в развилке приземистой яблони-дичка, стоявшей посреди полянки.

Пока тигр бесновался, глядя на людское мельтешение, старший Крюков изловчился, зайдя сзади клетки, всадить ему в бок шприц с лекарством. Затем зрители все ушли за оцепление, стараясь не мять чистого, красивого снега, – за это страшно бранил Игорь со своего насеста, – и когда, по расчетам, препарат должен был подействовать, дверцу клетки открыли.

Однако... тигр не спешил на волю. Может, чуял грядущее насилие и не хотел доставлять людям удовольствие? Александра даже успела замерзнуть и начала, как учил когда-то ее дед-охотник, «ершить себя изнутри»: шевелить мышцами, сохраняя почти полную неподвижность. Рядом неловко переминался в снегу Валерий Петрович.

А тигр все взбрыкивал в клетке. Пришлось старшему Крюкову обойти ее и ткнуть в бок зверю горящим факелом.

Тигр вылетел на волю, будто золотое копьё, и с яростью, в которой не было ни малой доли сонливости, бросился вперед.

³ Засидка – «гнездо», которое устраивают охотники в ветвях деревьев, подстерегая зверя, например, на солонцах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.